

№ 28 (198). 14 июля 1929 года. № 28 (198).

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ.

А. П. Чехов с сестрой и братом.

Редкий снимок.

О. Л. Книппер-Чехова.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ А. П. ЧЕХОВЕ.

А. П. Чехов последних шести лет — таким я знала его: Чехова, слабого физически и крепнущего духовно, — Чехова, как-то необыкновенно просто, мудро и красиво относившегося к разрушению своего тела, из-за того, что «Бог вложил в меня бациллу».

Впечатление от этих шести лет — какого-то беспокойства, метания, — точно чайка над океаном, не знающая, куда присесть; смерть отца, продажа Мелихова, продажа своих произведений Марксу; покупка земли под Ялтой, устройство дома и сада, и в то же время сильное тяготение к Москве, к новому, свежему театральному делу; метание между Москвой и Ялтой, которая казалась ему тюрьмой, женитьба, — поиски клочка земли недалеко от трогательно любимой Москвы и уже почти осуществление мечты — ему разрешено было врачами провести зиму в средней России, — мечты о поездке по северным рекам, в Соловки, в Швецию и Норвегию, в Швейцарию, — и мечта последняя и самая сильная, уже в Шварцвальде, в Баденвейлере, перед смертью, — ехать в Россию через Италию, манившую его своими красками, соком жизни, главное, музыкой и цветами — и все эти метания, все мечты были прикончены 2—15 июля его собственными словами: «Ich sterbe» (я умираю).

Жизнь внутренняя за все эти 6 лет прошла до чрезвычайности полно, насыщенно, интересно и сложно, так что внешняя неустроенность и неудобство теряли свою остроту.

Жизнь уже утомила Антона Павловича, но дух его не угасал, творчество не увядало. За эти годы Чеховым были написаны «В овраге», «Три сестры», «Архиерей», «Невеста» и «Вишневый сад».

Жизнь его делится между Москвой и Ялтой.

В Ялте привлекала его сначала постройка дома, разбивка сада, устройство жизни, а впоследствии он свылся с ней, хотя и называл ее своей «теплой Сибирью».

В Москву все время стремился, стремился быть ближе к театру, быть среди актеров, ходить на репетиции, болтать, шутить, смотреть спектакли, любил пройтись по Петровке, по Кузнецкому, посмотреть на магазины, на толпу. Но самый живой период московской жизни ему приходилось быть вдали от нее. Только зиму 1903—1904 года доктор разрешил ему провести в столице, и как он радовался и умирался на настоящую московскую снежную зиму, радовался, что можно ходить на репетиции, радовался, как ребенок, своей новой шубе и бобровой шапке!

Первое представление «Вишневого сада» (17 января 1904 г.) было днем чествования Чехова литераторами и его друзьями. Его это утомляло, он не любил показных торжеств и даже отказывался приехать в театр. Он очень волновался постановкой «Вишневого сада», и приехал только к третьему акту, и то только, когда за ним поехали.

Первое представление «Чайки» было торжеством в театре и первое представление последней его пьесы тоже было торжеством, но как непохожи были эти два торжества! Было беспокойно, в воздухе висело что-то зловещее. Не знаю, может быть, теперь эти события окрасились так, благодаря всем последующим, но что не было поры чистой радости в этот вечер 17 января, это — верно. Антон Павлович очень внимательно, очень серьезно слушал все приветствия, — но временами он вскидывал голову своим характерным движением, и казалось, что на все происходящее он смотрит с высоты птичьего полета, что он здесь не при чем, и лицо освещалось его мягкой, лучистой улыбкой, и появлялись характерные морщины около рта, — это он, вероятно, услышал что-нибудь смешное, что он потом будет вспоминать и над чем неизменно будет смеяться своим детским смехом...

Вообще Антон Павлович необычайно любил все смешное, все, в чем чувствовался юмор, любил слушать рассказы смешные и, сидя в уголке,

подперев рукой голову, пощипывая бородку, заливался таким заразительным смехом, что я часто, бывало, переставала слушать рассказчика, воспринимая рассказ через Антона Павловича. Он очень любил фокусников, клоунов. Помню, мы с ним как-то в Ялте долго стояли и не могли оторваться от всевозможных фокусов, которые проделывали дрессированные блохи. Любил Антон Павлович выдумывать — легко, изящно и очень смешно, — это вообще характерная черта чеховской семьи.

Даже за несколько часов до своей смерти он заставил меня смеяться, выдумывая один рассказ. Это было в Баденвейлере. После трех тревожных

дней ему стало легче к вечеру. Он послал меня пробежаться по парку, так я не отлучалась от него эти дни, и когда я пришла, он все беспокоился, почему я не иду ужинать, на что я ответила, что гонг еще не прозвонил. Гонг, как оказалось после, мы просто прослушали, а Антон Павлович начал придумывать рассказ, описывая необычайный модный курорт, где много сытых, жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть, краснощеких англичан и американцев, и вот все они, кто с экскурсии, кто с катания, с пешеходной прогулки, одним словом, отовсюду, собираются с мечтой хорошо и сытно поесть после физической усталости дня. И тут, вдруг оказывается, что повар сбегал и ужина никакого нет, — и вот, как этот удар по желудку отразился на всех этих избалованных людях... Я сидела, прикурнувши на диване, после тревоги последних дней, и от души смеялась. И в голову не могло притти, что через несколько часов я буду стоять перед телом Чехова!

В последний год жизни у Антона Павловича была мысль написать пьесу. Она была еще неясна, но он говорил мне, что герой пьесы ученый — любит женщину, которая или не любит его, или изменяет ему, и вот этот ученый уезжает на дальний север. Третий акт ему представлялся именно там: стоит пароход, затертый льдами, северное сияние, ученый одиноко стоит на палубе, тишина, покой и величие ночи, и вот на фоне северного сияния он видит — проносится тень любимой женщины...

Антон Павлович тихо, покойно отошел в другой мир. В начале ночи он проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором.

Ощущение чего-то огромного, надвигающегося придавало всему, что я делала, необычайный покой и точность, как-будто кто-то уверенно

вел меня. Помню только жуткую минуту потерянности: ощущение близости массы людей в большом спящем отеле и, вместе с тем, чувство полной моей одинокости и беспомощности. Я вспомнила, что в этом же отеле жили знакомые русские студенты — два брата, и вот одного я попросила сбегать за доктором, сама пошла колоть лед, чтобы положить на сердце умирающему. Я слышу как сейчас, среди давящей тишины июльской мучительно душной ночи, звук удаляющихся шагов по скрипучему песку...

Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Ich sterbe...». Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда... И страшную тишину ночи нарушала только, как вихрь ворвавшаяся огромных размеров черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки и металась по комнате...

Ушел доктор, среди тишины и духоты ночи с страшным шумом выскочила пробка из недопитой бутылки шампанского... Начало светать, и вместе с пробуждающейся природой, раздалось, как первая панихида, нежное, прекрасное пение птиц, и звуки органа, доносившиеся из ближней церкви. Не было слышно звука людского голоса, не было суеты обыденной жизни, была красота, покой и величие смерти...

А. П. Чехов и О. Л. Книппер.
(Снимок 1902 года).

Комментарий

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – актриса, народная артистка СССР. Родилась в Глазове Вятской губернии в семье инженера, с 1871 г. жила в Москве. Принимала участие в любительских спектаклях; после смерти отца зарабатывала уроками музыки. Училась в училище при Малом театре, и в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества, в драматическом классе под руководством Вл.И. Немировича-Данченко – театрального режиссера, теоретика, драматурга, основателя (наряду с К.С. Станиславским) Московского Художественного театра. После окончания учебы в 1898 г. была принята в труппу Московского Художественного театра. Книппер и Чехов познакомились на репетициях пьес «Царь Федор Иоаннович» и «Чайка» в сентябре 1898 г.; обвенчались 25 мая 1901 г. в Москве в церкви Воздвижения на Пометном вражке. В чеховских спектаклях Книппер исполняла роли Аркадиной («Чайка»), Елены Андреевны («Дядя Ваня»), Маши («Три сестры»), Раневской («Вишневый сад»), Сарры («Иванов»).

...«Бог вложил в меня бациллу». — Чехов писал Книппер 27 сентября 1900 г. из Ялты: «Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бациллу, а в тебя любовь к искусству». С 1899 г. осень, зиму и весну писатель, по медицинским рекомендациям, проводил не в Москве, а в Ялте.

...смерть отца... — Павел Егорович Чехов умер 12 октября 1898 г., в Москве в госпитальной хирургической клинике профессора Левшина на Девичьем поле, после повторной операции (ущемление грыжи).

...продажа Мелихова... — Чехов писал А.С. Суворину 26 июня 1899 г.: «мы продаем наше Мелихово. После смерти отца там уже не хотят жить, все как-то потускнело и пожухло; да и мое положение неопределенно, я не знаю, где мне жить, кто я, какого я звания человек, и раз нужно, чтобы я зимы проводил в Крыму или за границей, то надобность в имении устраняется сама собой и иметь его и не жить там было бы роскошью не по карману». В начале августа 1899 г. Мелихово с рассрочкой платежа приобрел лесопромышленник М. Коншин.

...продажа своих произведений Марксу... — 26 января 1899 г. Чехов заключил договор с издателем А.Ф. Марксом на издание полного собрания своих сочинений. По договору Маркс получал право собственности на все написанные Чеховым тексты (кроме дохода с пьес).

...покупка земли под Ялтой... — В октябре 1898 г. Чехов приобрел участок земли в Аутке, пригороде Ялты, и приступил к постройке дачи.

Первое представление «Вишневого сада»... — Премьера «Вишневого сада» в Московском Художественном театре состоялась 17 января 1904 г., в день рождения Чехова. В антракте между третьим и четвертым актами состоялось чествование Чехова в связи с 25-летием его литературной деятельности.

Первое представление «Чайки» было торжество... — Премьера «Чайки» в Московском Художественном театре состоялась 17 декабря 1898 г. Упоминаемое Книппер-Чеховой «торжество» связано не только с успехом постановки у зрителей и театральных критиков, но и с предысторией: 17 октября 1896 г. «Чайка» провалилась на сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге. В мемуарной заметке 1939 г. о «Чайке» в Художественном театре О.Л. Книппер писала: «“Чайка” и Чехов-драматург в этот незабываемый вечер были реабилитированы» (Книппер-Чехова О.Л. Сорок лет «Чайки» // Литературная газета. 1939. 5 января. № 1. С. 5).

Это было в Баденвейлере. — На лечение в курортный город Баденвайлер Чехов с женой прибыли 9 или 10 июня 1904 г. Здесь в отеле «Зоммер» Чехов умер в ночь на 2 июля 1904 г.

...у Антона Павловича была мысль написать пьесу. — Сюжет этой задуманной Чеховым пьесы К.С. Станиславский пересказывал в своих воспоминаниях так: «...он мечтал о новой пьесе совершенно нового для него направления. Действительно, сюжет задуманной им пьесы был как будто бы не чеховский. Судите сами: два друга, оба молодые, любят одну и ту же женщину. Общая любовь и ревность создают сложные взаимоотношения. Кончается тем, что оба они уезжают в экспедицию на Северный полюс. Декорация последнего действия изображает громадный корабль, затертый в льдах. В финале пьесы оба приятеля видят белый призрак, скользящий по снегу. Очевидно, это тень или душа скончавшейся далеко на родине любимой женщины» (А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986. С. 413). В сохранившихся рукописях и записных книжках Чехова нет следов этого замысла.